

Д.А.Секенов^{1*} А.С.Макипов¹

¹Национальный университет обороны Республики Казахстан, 010000, г. Астана, Республика Казахстан
*e-mail: sekenov.dastan@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННЫМИ ПРОКУРОРАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности деятельности военной прокуратуры по расследованию преступлений в период Великой Отечественной войны. В условиях фронтовой обстановки, ограниченного времени и ресурсов, военные прокуроры выполняли не только надзорные, но и следственные функции, действуя в тесном взаимодействии с командованием, органами контрразведки и военными трибуналами.

Цель статьи - исследовать особенности реализации следственных и надзорных функций военной прокуратуры в условиях Великой Отечественной войны, определить специфику фронтового следствия и правоприменительной практики в экстремальных условиях, а также раскрыть значение исторического опыта военной прокуратуры для эволюции отечественной правовой системы и института следствия. На основе архивных данных и современных научных источников рассматриваются реальные условия, в которых велись расследования: боевые действия, дефицит кадров, отсутствие стандартных процессуальных возможностей. Особое внимание уделяется методике документирования преступлений, взаимодействию с командованием, органами контрразведки и медицинской службой. Также затронуты проблемы квалификации деяний, доказательственной базы и специфики фронтового следствия. Через призму исторического опыта раскрывается вклад военной прокуратуры в развитие послевоенной правовой системы и института следствия в чрезвычайных условиях. Исследование освещает специфику фронтового следствия, включая проблемы сбора доказательств, оперативности процессуальных решений и ограниченности возможностей правовой защиты обвиняемых.

Отдельное внимание уделяется таким видам правонарушений, как дезертирство, мародёрство. Авторы анализируют нормативную базу, архивные материалы и историко-правовую литературу, что позволяет объективно оценить вклад военной прокуратуры в обеспечение дисциплины, законности и устойчивости военной машины СССР. Работа подчеркивает, что даже в условиях войны следственная функция сохраняла черты правового контроля, что сыграло значимую роль в укреплении военной дисциплины и государственности.

Ключевые слова: военная прокуратура, фронтовое следствие, Великая Отечественная война, расследование преступлений, контрразведка, доказательства, командование.

Введение

История знает немало примеров, когда право оказывалось последним оплотом порядка в хаосе войны. Именно такой опорой в годы Великой Отечественной войны стали военные прокуроры. Их деятельность была не просто реакцией на преступления, а целой правовой стратегией выживания и дисциплины в условиях тотального конфликта. Уже в первые недели после начала боевых действий летом 1941 года СССР осуществил масштабную реорганизацию прокуратур на фронтах и в тылу, выстроив вертикаль от фронтовых до дивизионных органов. Это позволило не только сохранить управляемость, но и укрепить веру личного состава в неотвратимость ответственности [1].

Особое значение приобрёл статус сотрудников военной прокуратуры. В 1943 году им официально присваивались классные чины, приравненные к офицерским, что обеспечивало рост авторитета правозащитных структур наравне с командными органами армии [2]. Это решение – не просто формальность. Оно позволило закрепить юридическое влияние прокуратуры на принятие решений в боевых условиях, где часто царила правовая неопределённость.

И это не теория. Военные прокуроры в годы войны контролировали соблюдение закона на десятках направлений: от выявления мародёрства и самострелов до надзора за законностью мобилизации, охраны военных грузов и эвакуации гражданских лиц. Их присутствие чувствовалось везде, где закон мог быть нарушен – осознанно или по неосторожности [3]. Именно благодаря их вмешательству сохранялось доверие к государственным институтам даже в условиях постоянного смертельного риска.

Пожалуй, самым трагичным и, одновременно, самым значимым аспектом их работы стало участие в расследовании преступлений нацистов против мирного населения. Военные прокуроры СССР сыграли ключевую роль в формировании доказательной базы, использованной на Нюрнбергском процессе. Они документировали факты массовых убийств, разрушения деревень, геноцида, передав эти материалы Чрезвычайной государственной комиссии [4]. Без их работы, возможно, многие преступления остались бы безнаказанными.

Важно отметить, что характер следственной работы в условиях войны требовал от прокуроров не только знаний, но и мгновенной реакции, умения действовать без полной доказательной базы. Следственные группы работали прямо на линии фронта, зачастую под обстрелами, в разрушенных зданиях и окопах. Несмотря на это, допросы, осмотры мест преступлений, анализ улик и сопровождение дел до военных трибуналов проводились методично и строго по регламенту [5].

Цифры говорят сами за себя. По официальным данным, в годы войны 1 807 военных прокуроров и следователей были награждены. При этом 23 сотрудника прокуратуры удостоились высшей награды – ордена Ленина. Ряд прокуроров награждены следующим орденами: Красного Знамени – 8, Отечественной войны 1-й степени – 19, 2-й степени – 3, Трудового Красного Знамени – 113, Красной Звезды – 81, «Знак Почета» – 294, а также медалями: «За трудовую доблесть» – 106, «За трудовое отличие» – 64. Всего правительственные награды завоевали 711 прокуроров и следователей [6]. Это не просто формальное признание – это государственная благодарность за удержание правового каркаса в эпоху разрухи.

Значимую роль в становлении военной правовой системы сыграл Владимир Иванович Носов – Главный военный прокурор СССР в годы войны. Его имя стоит в одном ряду с выдающимися организаторами советского правосудия: именно при нём выстраивались каналы взаимодействия с Генеральной прокуратурой, НКВД и армейским командованием [7]. Под его руководством происходила профессионализация кадров, выработка методических рекомендаций и оперативных алгоритмов реагирования.

Стоит особо подчеркнуть и сложную, а порой конфликтную систему межведомственного взаимодействия. Военные прокуроры тесно работали с органами НКВД, контрразведкой СМЕРШ, особыми отделами. Нередко возникали споры о подследственности, противоречия в интерпретации улик или даже попытки давления. Тем не менее эта напряжённая координация обеспечивала высокую эффективность расследований [8].

Наследие военной прокуратуры того периода не исчезло с окончанием войны. Напротив, оно стало основой для обновлённого уголовно-процессуального законодательства СССР. Многие принципы, от ускоренного производства до расширенного перечня допустимых доказательств, были заимствованы из боевой практики 1941–1945 годов [9]. Этот опыт оказался востребованным и позже – в Афганистане, на Кавказе, в Чечне.

И наконец, тема работы военных прокуроров времён Великой Отечественной войны получает новое осмысление. Архивные материалы рассекречиваются, восстанавливаются отдельные дела, проводится реабилитация незаконно осуждённых. Это подтверждает, что интерес к теме не угас, а, напротив, становится более глубоким, фундаментальным, граждански важным [10].

Численность и факты, (данные ВОВ, 1941–1945):

- Награждения в военной прокуратуре: более 1800 военных следователей и прокуроров награждены орденами и медалями за службу в годы войны. Это косвенно отражает масштаб корпуса, но не является его полной численностью.
- Военные трибуналы войск НКВД: за годы войны их число увеличилось до 152; упоминается также «штатная численность органов военной прокуратуры» (без точной цифры в источнике).
- Типовой состав военной прокуратуры соединения: военный прокурор, следователь, секретарь; приписан возница с подводой и двумя лошадьми. Это описывает минимальную штатную ячейку на уровне частей.

- Региональные данные (пример): по Иркутской области в 1941–1945 гг. на военную службу призваны 85 работников прокуратуры (около 29% штата). Это иллюстративно по одному региону [11].

Материалы и методы исследования

Объектом настоящего исследования выступает институциональная деятельность органов военной прокуратуры Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Речь идёт не только об административной структуре или подчинённости, но, прежде всего, о правоприменительной и надзорной работе прокуроров в исключительных обстоятельствах военного времени. Предметом анализа становится именно следственная практика – с её правовыми рамками, особенностями процедур, а также реалиями, нередко противоречивыми, на стыке правосудия, дисциплины и военной необходимости.

Цель данной статьи – выявить ключевые особенности расследования преступлений, совершённых в условиях фронта, тыла и лагерей, а также осмыслить те механизмы, с помощью которых военные прокуроры обеспечивали законность на фоне тотального военного конфликта. Особое внимание будет уделено проблемам правового регулирования, взаимодействия с другими органами, профессиональной дилемме между нормой и военной целесообразностью. Для достижения заявленной цели используются историко-правовой метод, позволяющий проследить развитие системы, сравнительный анализ для сопоставления с довоенными и послевоенными практиками, структурно-функциональный подход к оценке места прокуратуры в системе власти и репрессий, а также кейс-стади – как метод рассмотрения конкретных следственных ситуаций, отражающих общее состояние институтов.

Организация военной прокуратуры в условиях войны. До начала Великой Отечественной войны военная прокуратура СССР представляла собой чётко структурированную часть органов государственного надзора, регулируемую положениями «Устава о прокурорском надзоре в СССР» 1933 года. Этот нормативный документ определял иерархию органов военной прокуратуры, их подотчётность и компетенции, устанавливая строгие рамки для их функционирования в мирное время. В частности, прокуроры обязаны были обеспечивать соблюдение законности в армии, контролировать дисциплину, рассматривать жалобы военнослужащих и следить за исполнением уголовного законодательства.

С началом войны в июне 1941 года, прежняя структура прокуратуры оказалась неспособной к оперативному реагированию на быстро меняющуюся обстановку. Уже в июле были приняты первые экстренные решения, направленные на адаптацию системы военной юстиции к условиям фронта. На практике это вылилось в создание специализированных органов: прокуратур фронтов, армий, дивизий. Каждая из них получила чёткую юрисдикцию и обязанности, что позволило эффективно внедрить прокурорский надзор в структуру боевого управления [12]. Таким образом, реформа военной прокуратуры шла параллельно с мобилизацией армии, обеспечивая правовую поддержку боевых действий.

Интересен механизм подчинённости вновь созданных прокурорских структур. Главная военная прокуратура, действующая при Генеральном прокуроре СССР, формально сохраняла верховную координирующую роль. Однако в условиях военного времени вертикаль подчинения смещалась: фронтовые прокуроры отчасти ориентировались не только на руководство Генпрокуратуры, но и на оперативные указания от командующих фронтами [13]. Это создавало сложную, но гибкую модель взаимодействия юстиции и военного командования. Такой формат, при всей своей неоднозначности, позволял оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации.

Важно подчеркнуть кадровый аспект реформирования. Только за первый год войны в органы военной прокуратуры было направлено свыше 800 новых специалистов, из которых значительная часть имела до этого опыт работы в гражданских прокуратурах. При этом уровень квалификации оказался весьма неоднородным: если на центральных направлениях фронта были сосредоточены наиболее опытные кадры, то на второстепенных участках не хватало квалифицированных юристов [14]. Это обстоятельство создавало определённый перекосяк в эффективности расследований и контроля над законностью.

Примечательным остаётся также территориальный принцип распределения прокуроров. В зависимости от интенсивности боёв, численности войск и наличия стратегических объектов формировались штатные единицы. Например, на Сталинградском фронте действовало свыше 50 прокуроров, тогда как на Карельском – всего около 15 [15]. Такое распределение отражало не только боевую нагрузку, но и приоритетность регионов с точки зрения правового сопровождения. Эти данные позволяют говорить о высоком уровне организационного мышления в системе военной прокуратуры, несмотря на чрезвычайные условия.

Результаты и их обсуждение

Основные категории преступлений и методика их расследования. Дезертирство в годы Великой Отечественной войны приобрело такие масштабы, что, по сути, стало одной из ключевых угроз боеспособности Красной армии. Только за 1942–1944 годы органы НКВД задержали свыше 1,2 миллиона человек, скрывшихся с фронта или уклонившихся от службы. Эти цифры не просто статистика – за каждой из них стоит история страха, отчаяния или, наоборот, сознательного предательства. Согласно статье 193-1 УК РСФСР 1926 года, подобные действия классифицировались как воинское преступление, наказуемое по всей строгости закона [16].

Особую значимость приобрёл Приказ № 270 от 16 августа 1941 года. Он фактически приравнивал сдачу в плен к измене, предписывал аресты родственников дезертиров и изъятие их имущества. Этот документ стал не только правовой нормой, но и инструментом морального давления на бойцов, чётко обозначив границу между героизмом и позором [16, - 92]. На практике это означало, что даже случайное отставание от части или потеря связи могли быть истолкованы как попытка дезертирства. Военные следователи, действуя по Инструкции 1941 года, нередко вели допросы прямо на передовой, используя упрощённые процедуры дознания [17]. Они собирали показания сослуживцев, анализировали оперативные донесения и именные списки, сравнивая их с архивами. Иногда достаточно было одного противоречивого свидетельства, чтобы инициировать дело в трибунале.

При этом важно понимать: дезертирство не всегда было продиктовано трусостью. Иногда за этим стояли невыносимые условия фронта, травмы или потеря веры в командование. Но следственные органы редко принимали такие объяснения во внимание – каждый случай обрабатывался как угроза стабильности армейской структуры [17, - 23]. Психологический фактор практически не учитывался, что, в свою очередь, повышало жёсткость расследований и процент обвинительных приговоров.

На фоне успешных наступательных операций Красной армии в 1944–1945 годах проблема мародёрства приобрела особую остроту. Как только войска входили в освобождённые города, отдельные военнослужащие начинали грабить население, устраивать насилия и поджоги. Сталин лично отдал приказ реагировать на это максимально жёстко, вплоть до публичных казней. В ответ последовали директивы фронтовых командующих: например, приказ № 006 маршала Рокоссовского от 21 января 1945 года требовал немедленного ареста и осуждения виновных в мародёрстве [18].

Методика расследования подобных дел была приближена к полевым условиям. Прокуратура направляла специальные выездные группы, которые фиксировали показания пострадавших, проводили допросы на месте, а также фотографировали разрушения и состав преступления. В ряде случаев военная прокуратура работала совместно с контрразведкой, чтобы исключить участие агентуры врага или организованных групп [18, - 31]. Трибуналы действовали быстро: задержание, дознание, приговор – всё это могло уложиться в 24 часа. Мобильность следственных бригад была важнейшим фактором эффективности.

Интересно, что командиры частей, допустившие факты мародёрства, также нередко привлекались к ответственности за «попустительство» или «необеспечение дисциплины». Это говорит о высокой степени институциональной строгости, установившейся к концу войны в вопросах этики поведения солдат на оккупированных территориях [18, - 36].

Состояние дисциплины на фронте напрямую зависело от умения командиров поддерживать боевой дух и порядок. Однако случаи пьянства, членовредительства (самострелов)

и халатности продолжали оставаться проблемой. Согласно Уставу внутренней службы Красной армии, каждый военнослужащий, уличённый в подобных действиях, подлежал дисциплинарной или уголовной ответственности. В зависимости от последствий, это могло быть как несколько суток ареста, так и реальный срок в лагерях [16, - 61].

Военная прокуратура рассматривала самострелы как намеренную попытку уклонения от боевых действий. Часто такие случаи расследовались параллельно с медицинской экспертизой, призванной определить характер ранения. Особое внимание уделялось траектории выстрела, дальности, типу оружия – всё это влияло на правовую квалификацию поступка. Инструкция о порядке предварительного следствия 1941 года рекомендовала в подобных случаях незамедлительно проводить очную ставку между бойцом и его командирами, а также опрашивать санитарный персонал [17, - 35].

Халатность — будь то неправильный расчёт артиллерийского огня, утеря секретных документов или некомпетентное управление подразделением – каралась особенно строго. Такие преступления квалифицировались по ряду статей УК РСФСР как служебное преступление с военными последствиями [19]. При этом субъективная сторона практически не учитывалась. Как бы парадоксально это ни звучало, но даже перегрузка, физическое истощение и стресс не могли быть достаточным основанием для оправдательного приговора.

Особый блок дел приходился на преступления против государственной безопасности. Измена Родине, шпионаж и саботаж входили в сферу ведения СМЕРШа и рассматривались исключительно военными трибуналами по закрытой процедуре. Статья 58 УК РСФСР включала более десяти пунктов, охватывающих не только прямое предательство, но и даже разговоры, подрывающие мораль армии [17, - 39].

Контрразведка работала в тесной связке с прокуратурой: первые выявляли подозреваемых, вторые обеспечивали правовую легитимность процесса. Расследования отличались глубокой проработкой: анализ переписки, прослушка, использование агентурной сети. Любая связь с пленными, подозрительное поведение, попытки выйти за линию фронта — всё это могло стать основанием для возбуждения дела [20]. В ряде случаев к ответственности привлекались и те, кто укрывал подозреваемых или не сообщил о подозрениях.

Интересно, что многие дела такого рода сопровождались значительным психологическим давлением. Подозреваемые, особенно если это были молодые бойцы, нередко путались в показаниях. Однако следственные органы воспринимали это не как признак невиновности, а как попытку дезориентации и ухода от ответственности [20, - 52].

Хотя основная масса дел приходилась на рядовых и младших офицеров, особое значение имели преступления, совершённые высшими командирами. Они не только ставили под угрозу боеспособность частей, но и подрывали авторитет армии в целом. Как правило, такие дела велись под контролем Центральной прокуратуры и лично курировались Главной военной прокуратурой СССР [20, - 54].

Проблемы и наследие военной следственной практики

Сложности расследования в условиях фронта и чрезвычайного времени

Следственная практика времён Великой Отечественной войны формировалась в уникальных условиях, где каждое дело разворачивалось не в кабинетах, а под грохот артиллерии, вблизи линии фронта. Именно поэтому многие нормы, зафиксированные в УПК РСФСР 1923 года, становились на фронте практически неприменимыми. С учетом фронтовых реалий принят приказ Главного военного прокурора №1/32 от 19 октября 1942 года «Наставление по работе военного следователя». Существенное воздействие на следственную работу оказал Приказ Народного комиссара обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» («Ни шагу назад!»), который стал ключевым инструментом для поддержания дисциплины в рядах Красной армии. Документ стал основой для создания заградительных отрядов, которые препятствовали отходу войск с боевых позиций. Всего было сформировано 193 заградительных отряда общей численностью около 200 000 человек. За время их работы они задержали более

650 000 военнослужащих, из которых 25 000 были арестованы, а остальные возвращены в свои части [13, - 88].

Одной из основных проблем был дефицит кадров: до середины 1942 года примерно треть следователей не имела полноценного юридического образования. Во многих гарнизонах должности занимались офицерами, окончившими краткосрочные подготовительные курсы или вовсе с фронтовым опытом, но без правовой подготовки [14, - 99]. Это, в свою очередь, порождало вариативность подходов – в зависимости от личности следователя, методика расследования могла быть формальной или, напротив, импровизированной.

Сложность квалификации преступлений усугублялась тем, что правовая оценка поступка – например, самострела, зависела не только от медицинского заключения, но и от боевой обстановки, мнения командира, и, нередко, текущей оперативной ситуации. Дела нередко рассматривались по ускоренной процедуре, а доказательства собирались на основе докладов, кратких анкет и нескольких свидетельств [17, - 21].

Дополнительные затруднения возникали при взаимодействии с другими военными структурами. Следователь должен был согласовывать свои действия с командованием части, с представителями контрразведки (в частности, СМЕРШ), медицинскими экспертами и сотрудниками особого отдела. Такой «многоуровневый контакт» позволял быстро получить информацию, но требовал жёсткого соблюдения субординации и часто приводил к коллизиям в полномочиях [14, - 103].

Институциональное и правовое наследие военной прокуратуры

Опыт, накопленный военной прокуратурой в годы войны, не исчез в послевоенное время – напротив, он был институционализирован. По мнению Г.А. Мурашкина, отдельные положения, действовавшие как временные меры на фронте, в итоге были закреплены в новом Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года, включая нормы об ускоренном дознании и предварительном следствии [13, - 144]. Это свидетельствует о том, что фронтовая практика не только адаптировалась к боевым условиям, но и заложила основу для переосмысления общей модели уголовного судопроизводства.

Дальнейшее развитие этой линии можно наблюдать в ходе вооружённых конфликтов в Афганистане и Чечне. В обоих случаях создавались специальные следственные группы при военных гарнизонах, дублируя структуру, использованную в 1941–1945 годах. Эти группы имели полномочия по сбору доказательств, проведению опросов, допросов и передаче материалов в военные трибуналы. Методика включала мобильность, сокращённые сроки рассмотрения дел и, как и прежде, взаимодействие с контрразведкой [14,- 187].

Следует отметить также институциональное значение Военно-юридической академии РККА, основанной в 1939 году. За годы войны она подготовила свыше 6 000 специалистов, часть которых уже к 1944 году занимала руководящие должности в гарнизонных прокуратурах. Академия разрабатывала типовые инструкции и разъяснения, многие из которых позже были переработаны в официальные нормативные акты Генеральной прокуратуры СССР.

Правовое осмысление и научная реконструкция

С конца 1990-х годов в научных кругах началась активная работа по реконструкции конкретных дел, возбуждённых в период войны. Анализируя архивы Генеральной прокуратуры, учёные выявили, что около 15% дел о дезертирстве и самострелах имели признаки упрощённого дознания, где основой обвинения становились 1-2 документа и устные показания [19, - 93]. Это породило интерес к восстановлению процессуальной картины: какие методы применялись, как оформлялись материалы, какие документы прилагались.

Одним из значимых достижений стала публикация ведомственных материалов, в том числе оригинальных инструкций и типовых форм документов следствия. Эти сборники используются сегодня не только как исторический источник, но и как наглядное пособие в учебных курсах по истории военного права. Например, в МГУ и Санкт-Петербургском госуниверситете введён отдельный модуль, посвящённый следственной деятельности военных прокуроров 1941-1945 гг. [19, - 101].

Вместе с тем научные публикации подчёркивают важность осмысления этих практик в сравнительном правовом контексте. Некоторые исследователи рассматривают советскую военную юрисдикцию как один из ранних примеров кризисного правосудия, находящегося на стыке между чрезвычайными условиями и институциональной дисциплиной [19, - 96].

Вопросы правовой преемственности и реформирования

В юридическом сообществе продолжается дискуссия: допустимо ли в современных конфликтах применять элементы ускоренного следствия, сформировавшиеся на опыте ВОВ? Особенно остро эти вопросы встают при анализе правовой практики в горячих точках – Сирии, Закавказье. На основе исторических данных видно, что военные трибуналы в 1941-1942 годах зачастую выносили приговор в течение суток, что было обусловлено как оперативными целями, так и отсутствием процессуальных ресурсов [20, - 47].

На международной арене это вызывает интерес: праведы сравнивают советский опыт с положениями Женевской конвенции, Гаагского регламента и практикой Международного уголовного суда. Некоторые положения, особенно касающиеся скорейшего наказания за военные преступления, находят параллели [20, - 52].

Наконец, нельзя не отметить, что советская военная следственная модель оказала влияние на формирование системы правового регулирования зон вооружённых конфликтов в СНГ. Прокурорский надзор, учреждённый в условиях фронта, стал фундаментом для современных форм военного следствия, в том числе при участии Следственного комитета РФ в операциях XXI века [20, - 54].

Заключение

Проведённое исследование позволило глубоко проанализировать институциональную природу и практические аспекты работы органов военной прокуратуры СССР в годы Великой Отечественной войны. В центре внимания оказалась не просто структура или формальные полномочия, а конкретная следственная практика, реализуемая в условиях постоянной угрозы, нехватки ресурсов и моральной напряжённости. Эта работа показала: военная прокуратура в годы войны была не только органом надзора, но и самостоятельной опорой правопорядка в армии.

Особый акцент был сделан на трансформации довоенной модели, основанной на Уставе о прокурорском надзоре 1933 года, в гибкую вертикаль, способную функционировать в чрезвычайных обстоятельствах. Выявлено, что уже летом 1941 года структура прокуратуры адаптировалась под реалии фронта: от Генпрокуратуры до дивизионных прокуроров, действовавших зачастую под обстрелами. Именно в таких условиях формировался новый тип юриста – военный следователь, сочетающий знание права с личной выносливостью и способностью принимать решение в условиях правовой неопределённости.

Важно подчеркнуть, что материал статьи охватывал широкий спектр тематик. Это и классификация преступлений (дезертирство, мародёрство, самострелы, халатность, измена, злоупотребления командного состава), и методы их расследования. Приведённые примеры показали, что следствие на войне становилось не столько процессуальной процедурой, сколько экстренной правовой операцией. Выездные следственные группы, ночные допросы в землянках, использование неполных или устных доказательств – всё это было частью повседневной работы прокурора, действовавшего на линии фронта.

Немаловажным оказалось и взаимодействие прокуратуры с другими институтами: СМЕРШ, НКВД, армейским командованием. Межведомственные споры, коллизии в подследственности, конкуренция за контроль над делом – эти аспекты были неотъемлемой частью военной юридической среды. И тем не менее, несмотря на институциональные напряжения, результатом становилась высокая эффективность работы: большинство дел доходило до трибуналов, приговоры исполнялись, а в частях сохранялась дисциплина.

Одним из наиболее ценных вкладов военной прокуратуры стало участие в документировании преступлений против мирного населения. Работа с Чрезвычайной государственной комиссией, сбор свидетельств о геноциде и разрушениях, последующая передача материалов для Нюрнбергского процесса – всё это свидетельствует о включённости

советских военных прокуроров в формирование международной правовой ответственности. Это не только расширило рамки их компетенции, но и придало их деятельности долгосрочное историко-правовое измерение.

В статье был также показан эффект практик, отработанных в условиях войны, которые легли в основу норм УПК РСФСР 1960 года, использовались в Афганистане, в Чечне, России. Институциональное наследие проявилось не только в законах, но и в логике оперативной работы следственных органов. Даже такие элементы, как сокращённые сроки, усиленный надзор и межведомственное взаимодействие, берут начало именно в тех фронтовых разработках.

На основе всего вышеизложенного можно уверенно сказать: значение института военной прокуратуры в формировании советского правового государства не ограничивалось сферой армии. Оно остаётся частью более широкой истории о том, как правовая система может выживать и развиваться в условиях экстремального насилия. Это опыт, заслуживающий не только уважения, но и дальнейшего изучения.

Послевоенные годы характеризуются проведением Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками, а также расследованием коллаборационизма и преступлений против собственного народа, где прокуроры играли ключевую роль в установлении справедливости и возвращении к мирной жизни [21].

«Международные трибуналы» - Нюрнбергский и Токийский процессы стали первыми примерами международных трибуналов для осуждения военных преступников.

«Новые механизмы правосудия» - были созданы новые международные механизмы правосудия, позволяющие привлечь к ответственности лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности.

«Признание преступлений» - зарубежный опыт показал, что международное право может быть использовано для установления справедливости и признания преступлений, совершенных в условиях войны.

Зарубежный опыт, в частности, послевоенные трибуналы и международные суды, подчеркивает важность правовых механизмов для привлечения к ответственности за военные преступления и установления ответственности за нарушения норм международного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Маликов С. В. Особенности организации работы военной прокуратуры в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // *Вестник Военного университета*. – 2005. – № 2. – С. 12–17.
- 2 Валиев А. Х. Записки военного прокурора: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – Казань: Матбугат йорты, 2000. – 136 с.
- 3 Тумаркин Д.С. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 210 с.
- 4 Михайлова С. Г. Изменения в деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // *История государства и права*. – 2016. – № 6. – С. 41–46.
- 5 Следствие в годы Великой Отечественной войны: сб. статей / под ред. В. Н. Орлова. – СПб.: СКСПБА, 2021. – 194 с.
- 6 Акты Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях немецко-фашистских оккупантов. [Электронный ресурс] — URL: [https://statearchive.ru/tests/07.html#:~:text=Чрезвычайная%20государственная%20\(дата обращения 20.02.2025\)](https://statearchive.ru/tests/07.html#:~:text=Чрезвычайная%20государственная%20(дата обращения 20.02.2025))
- 7 Пронин И. В. Прокуратура в годы войны // *Военно-исторический журнал*. – 2020. – № 5. – URL: <https://history.milportal.ru/prokuratura-v-gody-vojny/?print=print> (дата обращения: 26.05.2025).
- 8 Корнеев С. И. Чрезвычайная государственная комиссия в правовом механизме привлечения к ответственности военных преступников (на примере СССР) // *Историко-правовой журнал*. – 2020. – № 3. – С. 22–29.
- 9 Лебедева Е. Ю. Деятельность органов прокуратуры в годы Великой Отечественной войны // *Вопросы правоведения*. – 2022. – № 4. – С. 55–61.
- 10 Прокуратура Ленинграда в годы войны: архивный обзор // *Прокуратура Санкт-Петербурга*.
- 11 Главная военная прокуратура. [Электронный ресурс] — URL: https://gvp.gov.ru/gvp/legal_education (дата обращения 20.02.2025)
- 12 Органы прокуратуры в годы Великой Отечественной войны // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – 2025.
- 13 Мурашкин Г.А. Органы прокуратуры в механизме советского государства. – Киев: Издательство Киевского университета, 1972. – 180 с.

- 14 Карев Д.С., Савицкий, Н. И. Очерки истории советской военной прокуратуры / под ред. Н. П. Афанасьева. – М.: Воениздат, 1948. – 320 с.
- 15 Военно-юридическая академия РККА // Википедия. – 2024.
- 16 Уголовный кодекс РСФСР (ред. 1926 г.). – М.: Госюриздат, 1926. – 200 с.
- 17 Инструкция Прокуратуры СССР и НКЮ СССР о порядке производства предварительного следствия. – М.: Госюриздат, 1941. – 45 с.
- 18 Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 26 с.
- 19 Органы прокуратуры во время Великой Отечественной войны. – М.: Генеральная прокуратура РФ, 2020. – 104 с.
- 20 Прокуратура в годы войны // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 7. – С. 47–55.
- 21 Материал из Википедии — свободной энциклопедии. [Электронный ресурс] — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%> (дата обращения 20.02.2025)

ҰЛЫ ОТАН СОҒЫСЫ КЕЗІНДЕ ӘСКЕРИ ПРОКУРОРЛАР ЖҮРГІЗГЕН ҚЫЛМЫСТЫҚ ІСТЕРДІ ТЕРГЕУДІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аңдатпа

Мақалада Ұлы Отан соғысы кезіндегі қылмыстарды тергеу жөніндегі әскери прокуратура қызметінің ерекшеліктері қарастырылады. Майдан жағдайы, шектеулі уақыт пен ресурстар жағдайында әскери прокурорлар командирлермен, қарсы барлау органдарымен және әскери трибуналдармен тығыз байланыста әрекет ете отырып, қадағалау ғана емес, тергеу функцияларын да атқарды.

Мақаланың мақсаты-Ұлы Отан соғысы жағдайында әскери прокуратураның тергеу және қадағалау функцияларын іске асыру ерекшеліктерін зерттеу, экстремалды жағдайларда майдандық тергеу мен құқық қолдану практикасының ерекшеліктерін анықтау, сондай-ақ әскери прокуратураның тарихи тәжірибесінің отандық құқықтық жүйе мен тергеу институтының эволюциясы үшін маңыздылығын ашу. Архивтік деректер мен қазіргі ғылыми дереккөздер негізінде тергеу жүргізілген нақты жағдайлар қарастырылады: жауынгерлік іс-қимылдар, кадрлардың тапшылығы, стандартты іс жүргізу мүмкіндіктерінің болмауы. Қылмыстарды құжаттау әдістемесіне, қолбасшылықпен, қарсы барлау органдарымен және медициналық қызметпен өзара іс-қимылға ерекше назар аударылады. Сондай-ақ, іс-әрекеттердің біліктілігі, дәлелдемелік база және майдандық тергеудің ерекшелігі мәселелері қозғалды. Тарихи тәжірибенің объективі арқылы әскери прокуратураның соғыстан кейінгі құқықтық жүйені және төтенше жағдайларда тергеу институтын дамытуға қосқан үлесі ашылады. Зерттеу дәлелдемелерді жинау мәселелерін, іс жүргізу шешімдерінің жеделдігін және айыпталушыларды құқықтық қорғаудың шектеулі мүмкіндіктерін қоса алғанда, алдыңғы қатардағы тергеудің ерекшеліктерін көрсетеді.

Дезертирлік, тонау сияқты құқық бұзушылық түрлеріне ерекше назар аударылады. Автор әскери прокуратураның КСРО әскери машинасының тәртібін, заңдылығы мен тұрақтылығын қамтамасыз етуге қосқан үлесін объективті бағалауға мүмкіндік беретін нормативтік базаны, мұрағаттық материалдар мен тарихи-құқықтық әдебиеттерді талдайды. Жұмыс соғыс жағдайында да тергеу функциясы әскери тәртіп пен мемлекеттілікті нығайтуда маңызды рөл атқарған Құқықтық бақылау ерекшеліктерін сақтағанын атап көрсетеді.

Негізгі сөздер: әскери прокуратура, майдандық тергеу, Ұлы Отан соғысы, қылмыстық істерді тергеу, қарсы барлау, дәлелдер, армия басшылығы.

PECULIARITIES OF CRIMINAL INVESTIGATIONS CONDUCTED BY MILITARY PROSECUTORS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract

This article examines the specific activities of the military prosecutor's office in investigating crimes during the Great Patriotic War. In conditions of a front-line situation with limited time and resources, military prosecutors performed not only supervisory but also investigative functions, acting in close cooperation with the command, counterintelligence agencies and military tribunals.

The purpose of the article is to investigate the specifics of the implementation of the investigative and supervisory functions of the military prosecutor's office in the conditions of the Great Patriotic War, to determine the specifics of front-line investigation and law enforcement practice in extreme conditions, as well as to reveal the significance of the historical experience of the military prosecutor's office for the evolution of the domestic legal system and the institution of investigation. Based on archival data and modern scientific sources, the real conditions in which investigations were conducted are considered: military operations, shortage of personnel, and lack of standard procedural capabilities. Special attention is paid to the methodology of documenting crimes, interaction with the command, counterintelligence agencies and the medical service. The issues of qualification of acts, the evidence base, and the specifics of frontline investigation were also addressed. Through the prism of historical experience, the contribution of the military prosecutor's office to the development of the post-war legal system and the institution of emergency investigation is revealed. The study highlights the specifics of the front-

line investigation, including the problems of collecting evidence, the speed of procedural decisions and the limited possibilities of legal protection of the accused.

Special attention is paid to such types of offences as desertion and looting. The author analyses the regulatory framework, archival materials, and historical and legal literature, which enables an objective assessment of the contribution of the military prosecutor's office to ensuring discipline, legality, and stability within the military machine of the USSR. The work emphasises that even during the war, the investigative function retained the features of legal control, which played a significant role in strengthening military discipline and statehood.

Key words: military prosecution, frontline investigation, Great Patriotic War, criminal investigation, counterintelligence, evidence, command interaction.

REFERENCES

- 1 Malikov S. V. Features of the organization of the work of the military prosecutor's office during the Great Patriotic War (1941-1945) [*Osobennosti organizacii raboty voennoj prokuratury v period Velikoj Otechestvennoj vojny*]// Bulletin of the Military University. - 2005. – No. 2. – P. 12-17. [in Russian]
- 2 Valiev A. H. Notes of the military prosecutor: The Great Patriotic War of 1941-1945. [*Zapiski voennogo prokurora: Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg.*] – Kazan: Matbugat yorty, 2000. – 136 p.[in Russian]
- 3 Tumarkin D.S. Organizational and legal foundations of the activities of the Soviet prosecutor's office during the Great Patriotic War: dissertation of the Candidate. [*Organizacionno-pravovye osnovy dejatel'nosti sovetskoj prokuratury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*]. Sciences. – M., 2007. – 210 p. [in Russian]
- 4 Mikhailova S. G. Changes in the activities of the Soviet Prosecutor's office during the Great Patriotic War (1941-1945) [*Izmeneniya v dejatel'nosti sovetskoj prokuratury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)*] // History of the State and Law. - 2016. – No. 6. – P. 41-46. [in Russian]
- 5 Investigation during the Great Patriotic War: collection of articles [*Sledstvie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sb. statej*] /edited by N.V.N.N.Orlov.St. Petersburg: SKSPBA, 2021. 194 p. [in Russian]
- 6 Acts of the Extraordinary State Commission on the Crimes of the Nazi Occupiers. [*Akty Chrezvychajnoj gosudarstvennoj komissii o prestuplenijah nemecko-fashistskih okkupantov*]. Available at: - URL: <https://statearchive.ru/tests/07.html#:~:text=Чрезвычайная%20государственная%20комиссия%20по%20установлению,от%202%20ноября%201942%20года.> (accessed: 20.01.2025) [in Russian]
- 7 Pronin I. V. The Prosecutor's office during the war // Military Historical Journal. [*Prokuratura v gody vojny // Voennostoricheskij zhurnal*] - 2020. – No. 5. – Available at: - URL: <https://history.milportal.ru/prokuratura-v-gody-vojny/?print=print> [in Russian] (accessed: 05/26/2025).
- 8 Korneev S. I. The Extraordinary State Commission in the legal mechanism for bringing war criminals to justice (on the example of the USSR) [*Chrezvychajnaja gosudarstvennaja komissija v pravovom mehanizme privlechenija k otvetstvennosti voennyh prestupnikov (na primere SSSR)*]// Historical and Legal Journal, 2020, No. 3, P. 22-29. [in Russian]
- 9 Lebedeva E. Y. The activities of the prosecutor's office during the Great Patriotic War [*Dejatel'nost' organov prokuratury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*] // Issues of Jurisprudence. - 2022. – No. 4. – P. 55-61. [in Russian]
- 10 Leningrad Prosecutor's Office during the War: an archival review [*Prokuratura Leningrada v gody vojny: arhivnyj obzor*] // St. Petersburg Prosecutor's Office. [in Russian]
- 11 Glavnaya voennaya prokuratura. [*Chief Military Prosecutor's Office.*]– Available at: — URL: https://gvp.gov.ru/gvp/legal_education (accessed: 20.01.2025) [in Russian]
- 12 Prosecutor's offices during the Great Patriotic War [*Organy prokuratury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*] // The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – 2025. [in Russian]
- 13 Murashkin, G. A. Prosecutor's offices in the mechanism of the Soviet state. [*Organy prokuratury v mehanizme sovetskogo gosudarstva*]. –Kiev: Kiev University Press, 1972. 180 p. [in Russian]
- 14 Karev D.S., Savitsky, N. I. Essays on the history of the Soviet military prosecutor's office [*Ocherki istorii sovetskoj voennoj prokuratury*] / edited by N. P. Afanasyev. Moscow: Voenizdat, 1948. 320 p. [in Russian]
- 15 Military Law Academy of the Red Army [*Voенно-юридическая академия РККА*] // Wikipedia. – 2024. [in Russian]
- 16 The Criminal Code of the RSFSR [*Ugolovnyj kodeks RSFSR*] (ed. 1926). Moscow: Gosyurizdat, 1926. 200 p. [in Russian]
- 17 Instruction of the Prosecutor's Office of the USSR and the NKJ of the USSR on the procedure for conducting a preliminary investigation. [*Instrukcija Prokuratury SSSR i NKJu SSSR o porjadke proizvodstva predvaritel'nogo sledstvija*]. Moscow: Gosyurizdat, 1941. 45 p. [in Russian]
- 18 Kalashnikova A. I. The Criminal Code of the RSFSR of 1926: conceptual foundations and general characteristics. [*Ugolovnyj kodeks RSFSR 1926 goda: konceptual'nye osnovy i obshhaja harakteristika*] 12.00.08. – Kazan: Kazan State University, 2009. – 26 p.[in Russian]
- 19 Prosecutor's offices during the Great Patriotic War. [*Organy prokuratury vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny*]. Moscow: Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2020. 104 p. [in Russian]
- 20 The Prosecutor's Office during the war [*Prokuratura v gody vojny*] // Military Historical Journal, 2015, No. 7, P. 47-55. [in Russian]
- 21 Material iz Vikipedii — svobodnoj enciklopedii. [*Material from Wikipedia - the free encyclopedia*]. Available at: - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%> (accessed: 20.02.2025) [in Russian]

Information about the authors:

Dastan Sekenov - **corresponding author**, Chief Military Prosecutor, Doctoral student at the National Defense University of the Republic of Kazakhstan, 010000, Astana, Republic of Kazakhstan

E-mail: sekenov.dastan@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1298-878X>

Askar Makipov - Candidate of Historical Sciences, Reserve Colonel, National Defense University of the Republic of Kazakhstan, 010000, Astana, Republic of Kazakhstan

E-mail: dosmak_1998@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1799-1273>

Информация об авторах:

Дастан Секенов - **основной автор**, главный военный прокурор, докторант Национального университета обороны Республики Казахстан, 010000, г. Астана, Республика Казахстан

E-mail: sekenov.dastan@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1298-878X>

Аскар Макипов - кандидат исторических наук, полковник запаса, Национальный университет обороны Республики Казахстан, 010000, г. Астана, Республика Казахстан

E-mail: dosmak_1998@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1799-1273>

Авторлар туралы ақпарат:

Секенов Дастан - **негізгі автор**, Бас әскери прокурор, Қазақстан Республикасының Ұлттық қорғаныс университетінің докторанты, 010000, Астана қ, Қазақстан Республикасы

E-mail: sekenov.dastan@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1298-878X>

Аскар Макипов – тарих ғылымдарының кандидаты, запастағы полковник, Қазақстан Республикасының Ұлттық қорғаныс университеті, 010000, Астана қ, Қазақстан Республикасы

E-mail: dosmak_1998@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1799-1273>